

2 НОЯБРЯ В АМЕРИКАНСКОМ НЬЮ-ДЖЕРСИ НА 94-М ГОДУ ЖИЗНИ
В БОЛЬНИЦЕ УМЕР ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ АРКАДИЙ ЛЬВОВ.

Евгений Голубовский Трубадур одесского двора

Песенка Булата Окуджавы так легко переосмысливается в судьбе Аркадия Львова. Двор в Авчинниковском переулке, где прошли его одесские годы, стал не только темой, но и смыслом его творчества, ввели в большую русскую литературу, в её «дворянский сан».

Аркадий Львов чувствовал Одессу, любил её, понимал одесский язык. А его почти нигде в родном городе не печатали. Почти... Потому что была «Комсомольская искра», которая делала вид, что не понимает «какое, милье, у нас тысячелетие на дворе». И редакторы, сменяясь, как эстафетную палочку, передавали газете прозу Аркадия Львовича Бинштейна, укравшегося под псевдонимом «Аркадий Львов» от бдящего ока цензуры.

А потом Аркадия Львова полюбила Москва. Конечно, не вся Москва, но В. Катаев, Б. Полевой, А. Твардовский, К. Симонов. Этого было достаточно, чтобы печататься в самой многотиражной газете «Неделя», быть принятым в московское отделение Союза писателей. Одесские прозаики не замечали коллегу, а когда он им слишком надоел пребыванием в столичной литературе, пошли доносы. Аркадий Львов, докладывавший его коллеги, — главарь сионистского подполья в Одессе, представитель клуба «Бабель» в Варшаве.

После четвёртой «беседы» генерал Куварзин, возглавлявший одесский КГБ, сквозь зубы скажет: «Не подтвердилось». Тем не менее, его изгнали из родного города.

Одно из самых страшных воспоминаний. Хоть рукописи романа ему разрешили вывезти, таможенник по листу разбрасывал книгу. К молодому офицеру подошёл сослуживец, ветеран, и тихо сказал: «Ты охмелел? Ведь ты человеческие мозги пускаешь по ветру!». Разные были люди. Это навсегда запомнил Аркадий. И его эмигрантские рассказы не желчные, а мудрые, как и велит Одесса.

В эмиграции был дописан роман «Двор», принёсший ему успех, славу. Вот только два отзыва. Нина Берберова: «Аркадий Львов — явление уникальное в американском, да и не только американском русском зарубежье...». Айзек Башевис Зингер, лауреат Нобелевской премии: «Двор» — наивысшее достижение Аркадия Львова и, одновременно, одно из самых фундаментальных произведений современной литературы».

Аркадий Львов покинул Одессу в 1976 году. Работал в Вильсоновском и Гарвардском центрах. С 30 ноября 1976 года его голос зазвучал на радио «Свобода». Он работал для русской и украинской редакции, так как знал языки и проблематику. За эти годы, кроме создания рассказов, романов, писатель выпустил 8 000 программ — это 20 000 страниц текста!

В 1990 году, когда появилась возможность приехать в СССР, он прилетел в Москву, а затем в Одессу. Родной город притягивал. Это была основа его литературы, здесь жили герои его «Двора». Сколько раз он приезжал за эти годы в Одессу — не сосчитать. Когда-то секретарь обкома партии Лидия Всеволодовна Гладкая иронически говорила ему, что писатели жалуются — он «непристойно много пишет». Отшутился: «Жизнь не удалась, нужно работать на бессмертие».

В декабре 2002 года Аркадий Львов решением жюри при горсовете стал «Одесситом года». Роман «Двор» возвёл его в литературное дворянство. Он отплатил ему тем же, прославив Одессу, Авчинниковский переулок на весь читающий мир.

В Одессе вышел шеститомник Аркадия Львова. Издательство Ивана Захарова в Москве выпустило отдельной книгой две части «Двора». Можно уже жить с гонораров, со славы. А писатель «непристойно много пишет». И звучит

его голос на «Свободе», и знакома с ним каждая семья, новые поколения семейств его двора.

— Аркадий, первый том твоего собрания сочинений начинается не ранними рассказами, а именно романом «Двор», очень значимым произведением — о жизни не только двора, — страны, о каждом из нас. Что для тебя главное в романе?

— Главное — наша жизнь, какой она была на самом деле. Свои ранние рассказы я делал в форме исповедальной прозы. Но в 1968 году я поставил себе задачу: написать роман отстраненно — жизнь должна рассказывать самое себя. Я отчётливо помню, как я сказал Константину Симонову, человеку, который много для меня сделал, что хочу написать роман о жизни простых людей. Но вот название не могу придумать — «Мой двор», «Твой двор»... Он остановился и, слегка грустя, ответил: «Двор»! Просто «Двор»! Огромный, как вся империя». Ну, дальше я сказал, что, по моему видению, советская власть крепка тем, что в каждом дворе есть свой дворовый Сталин. Я не писал политическую вещь. Все разговоры о политике приносились теми, кто занимался политикой. А люди простые жили заботами дня: «А вы читали в газете?.. А вы слышали?..». Помню, ребёнком я услышал:

— Вы знаете, итальянцы бомбили Аддис-Абебу.

— Как?

— Слушайте, Аддис — это же почти Одесса, а Беба — это Беба, что там ещё объяснять!

Так я ребёнком узнал, что все страны находятся рядом с Одессой. У нас даже было соревнование: мы залазили на крышу дома и смотрели, кто первый увидит Турцию.

— Ваш дом — это Авчинниковский переулок, номер...?

— Четырнадцать — угловой дом, а по Троицкой это был пятьдесят четвёртый номер. Это дом Котляревского, где ещё были одесские биндюжники. Среди них был такой Шломо Баренгауз. Мне было шесть лет, когда он посадил меня на свою подводу и повёз в порт. Меня поразило, что со своими лошадьми он разговаривал на идиш. Я спросил:

— Дядя Баренгауз, они что, не понимают русского языка?

— О, если бы ты знал русский язык так, как они, то был бы второй Карл Маркс.

Вот такие были разговоры, можно сказать, с политическими мотивами.

— Тебе удалось вывезти роман. Его издали на многих языках. У некоторых получилось устроиться на Западе, у других нет. Как это получилось у тебя? Только оттого, что ты великолепный журналист и работаешь для «Радио Свобода»? Или потому, что у тебя была твоя проза, которая издавалась?

— Журналистом я стал не совсем по доброй воле — надо было зарабатывать на жизнь. На «Радио Свобода» я был единственным автором, который писал на двух языках. Но мой писательский язык, естественно, русский. Но писать я начал с американских рассказов. Когда я опубликовал «Инструктаж в Риме», был буквально скандал, потому что я описал, как в Риме принимали евреев. Это резко отличалось от того, что писали в газетах и как люди себе представляли. Жизнь была суровее. Первое время для меня было дорого поехать на метро. Я должен был точно рассчитать, сколько кварталов надо пройти — если десять-двадцать, то, конечно, пешком. А попробуй в Одессе «двадцать кварталов пешком» — это можно весь город обойти. Были знаковые встречи. Одна из них — с моим кумиром Айзеком Азимовым. Мне дали его домашний номер, я позвонил, представился. Оказалось, он знал моё имя.

— Ну, это совершенно нормально, ведь Стругацкие писали предисловие к твоим книгам.

— Нет, Айзек Азимов рецензировал сборник советской фантастики на английском языке. Там был мой рассказ о школе будущего, где мальчик общается не с учителями, а с машинами, с электронным учителем. Мой товарищ в Москве Давид Полторак работал тогда в Институте общеполитехнического обучения Академии педагогических наук, и он сказал, что это абсурд — учителя-машины. А спустя тридцать лет написал мне: «Как ты мог тогда предвидеть?». Азимов написал тогда эссе «Новые учителя». Он пригласил меня на конференцию писателей-фантастов. Это было для меня огромное событие. Три с половиной тысячи фантастов заполнили весь отель «Хилтон»! Азимов ввёл меня в это общество.

Мои рассказы начали переводить на английский язык. Я пытался опубликовать «Двор», но ничего не получилось. Первое издание «Двора» вышло в Париже на французском. К этому, кстати, был причастен покойный Виктор Некрасов: он меня рекомендовал. Потом, когда уже в Америке переводили роман, то Айзек Башевис-Зингер согласился написать специально к роману текст. В 1985 году я получил, благодаря французским изданиям, место в институте Международного Вильсоновского центра. Моим директором был Джим Биллингтон, позже возглавивший библиотеку Конгресса. Он мне рассказывал, что над комнатой, которую мне выделили, был наблюдательный пункт Линкольна во время Гражданской войны. И вдруг он бросает фразу, которая меня поразила: «Аркадий, Одесса — это же не город, это же страна».

Они очень чётко выделяли Одессу. Когда Украина получила независимость, меня некоторые не очень образованные американцы спрашивали:

— А где это — Украина?

— Ну, Чёрное море... ну, что ещё... Одесса.

— А, Украина — это там, где Одесса! — всем становилось все ясно.

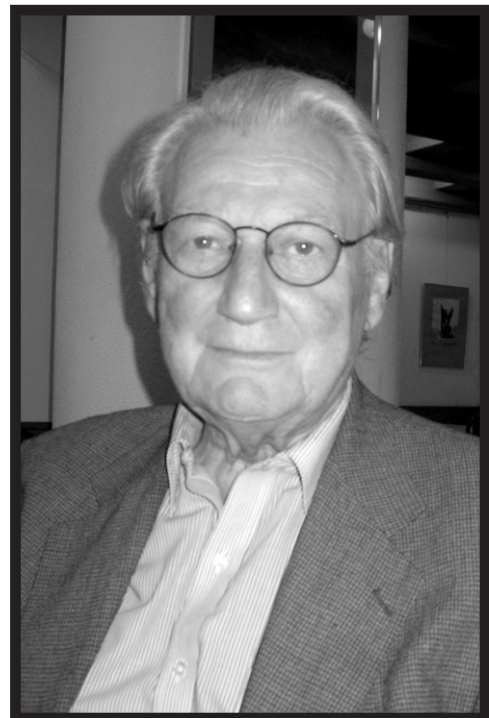
— Ты сумел сразу попасть в круг крупных американских писателей. И тебе посчастливилось общаться с Довлатовым, Бродским. Хотя пару слов о твоих встречах с ними.

— По приезде я стал печататься в газете «Новое русское слово». Редактором был Андрей Седых — Яков Моисеевич Цвибах. Многие упоминают его как секретаря Бунина, но он был его секретарем только на Нобелевской процедуре. С Сергеем Довлатовым мы десять лет работали бок о бок. Довлатов печатал, в основном, написанное в Союзе. Там он написал «Иностранку», ещё несколько вещей... Он был занят на «Радио Свобода». Тем, что его стали печатать в Нью-Йорке, он обязан Бродскому.

Бродский был очень популярен. У меня с Бродским не было особо близких отношений, но я его хорошо знал. Я предложил ему написать очерк о нём для книги о еврейской ментальности. Бродский мне сказал: «А какое отношение я имею к еврейству?». Он, кстати, ни разу не был в Израиле. Но случилось так, что его смерть опередила мои намерения. Уже после его смерти я написал большой очерк, страниц на семьдесят. Я заинтересовался эллинистическими корнями творчества Бродского, его римскими мотивами. Откуда это у Бродского, сына советского служащего...

— Ну, он сам себя сделал.

— Конечно, но он шёл от Мандельштама. Могу рассказать такой случай. Когда я работал в Русском институте в Гарварде, Бродский получил Нобелевскую премию и приехал к нам. Я публично задал ему вопрос: «Кому вы больше всего обязаны своей поэзией, если говорить об истоках?». Он сказал: «Мандельштаму. Это самый большой поэт XX-го века». Потом, через неко-

торое время ему опять задали этот вопрос, он говорит:

— Нет, я поправлюсь: самый большой поэт XX-го века — Марина Цветаева.

— Но вы же только что сказали...

— Да? Я говорил? Может быть...

— Аркадий, ты в Одессе для того, чтобы собрать, находишь ли ты в сегодняшней Одессе людей, которые помогают тебе оживить и расширить круг памяти для твоих книг?

— Конечно, это прошлое, но осталось ещё нечто от того времени. Моё правило: там, где речь идёт о конкретных событиях, которые имели место в истории, надо быть абсолютно точным.

— Как сегодня тебя воспринимают в твоём дворе? Тебя ещё кто-нибудь узнает?

— Несколько лет назад ещё оставались люди, которые делали мне «еврейский комплимент»: «Слушайте, а вы не изменились», — я понимал, что постарел. Да и двор сам тоже изменился — его застроили. Но, так или иначе, это родное место. Во мне происходит некоторое раздвоение: с одной стороны — Одесса, которая живёт во мне, с другой — Одесса, которая открывается моим глазам. Я пришёл на Греческую площадь и увидел это новое здание. Мне приятно, что нижняя часть здания создана по историческим эскизам, но надстройка меня корбит. Хочется, чтобы сохранились архитектурные приметы XIX-го века.

— Как изменилась Одесса за годы перестройки?

— Для меня Одесса — это средиземноморский город. Я это и до отъезда понимал, а после того, как побывал в Барселоне, Неаполе, Генуе, Марселе, убедился в этом совершенно отчётливо. Атмосфера очень близка. Это особое дружеское расположение ко всякому человеку. Даже скандальные сценки отмечены семейным началом: я вас знаю, вы меня знаете, так что вы тут мне не рассказывайте. Это характерная черта Средиземноморья.

— Удивляюсь, почему в Одессе нет «Коза ностры»?

— Потому, что людей, пригодных для этого дела, ликвидировали. Помнишь, у Бабеля — Фроим Грач.

— Кстати, о Фроиме Граче. Мне всегда казалось, что ты вырос на советской литературе, Катаеве, Симонове. Но я понимаю, что без Бабеля не было бы писателя Аркадия Львова. Например, «Горячее солнце Одессы»... Бабель говорил, что в русскую литературу вливается этот солнцепек Одессы, и он даст свои плоды. Ты прочувствовал это сам или в основу твоего мироощущения легли книги Бабеля?

— Они они отвечали моему мироощущению. Но если говорить о художественной ткани, то действительно заставлял вибрировать струны моей души не «Беллет парус одинокий», а, конечно же, бабелевские рассказы. Хотя я прекрасно понимаю, что «Одесские рассказы» — это стилизация, а гениальна, с моей точки зрения, «Конармия». «Одесские рассказы» — это миф.

— И твой «Двор» — это тоже миф. Мифотворцам слава!